

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

Судбно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. На основе экспертологического анализа правовых норм, использующих понятие провокации, предпринята попытка выработки экспертного понятия провокации, которое может применяться в судебной психологической и комплексной психолого-лингвистической экспертизе. Показано, что таким понятием является психологическая направленность коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению определенных действий (предложению, даче, получению вознаграждения либо согласию на таковое), повлекших для него негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности. Эта направленность выражается в формировании у адресата определенной психологической установки, а формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие представляются психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)». Предложены вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертом при назначении соответствующей судебной экспертизы, и диагностический комплекс «провоцирование взятки». Обоснована целесообразность проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случаях подозрения, что противоправные действия были спровоцированы.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, судебная экспертология, экспертные понятия, коррупционные преступления, провокация, психологическое воздействие

Для цитирования: Секераж Т.Н. Судбно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 19–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

Forensic Psychological Aspects of the Term “Provocation” in Criminal Proceedings

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Based on the expert analysis of legal norms, using the term “provocation”, the author of the paper is trying to develop an expert concept of “provocation”, which can be used in forensic psychological and comprehensive psychological and linguistic examination. It is demonstrated that the focus of a subject’s communicative activity on incitement to commit particular actions (offer, giving or getting a reward, or readiness to do so) leading to negative consequences in the form of prosecution, is such a concept. This focus expresses as a formation of a particular mental set. The development of consent or offer to commit a specific action seem to be the psychological features of the phenomenon described in law as “to incite, incline, induce, directly or indirectly, to commit unlawful acts (provocation)”. The author proposes the questions which may be put to experts when assigning an examination or a “provocation to bribe” diagnostic complex. The expediency to conduct a comprehensive psychological and linguistic expertise when investigating crimes under articles 290, 291, 291.1 of the Russian Federation’s Criminal code in cases of suspicion that illegal actions resulted from entrapment is justified.

Keywords: forensic psychological examination, comprehensive forensic psychological and linguistic examination, forensic expertology, expert concepts, corruption crimes, provocation, mental pressure

For citation: Sekerazh T.N. Forensic Psychological Aspects of the Term "Provocation" in Criminal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

Введение

Противодействие коррупции является одним из актуальных направлений деятельности государства и постоянным источником общественного интереса. Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации и Федеральный закон «О противодействии коррупции». Для борьбы с этим явлением на государственном уровне сделаны следующие шаги: создана законодательная база противодействия коррупции и активизирована деятельность правоохранительных органов¹, осуществляются научные разработки проблемы, в частности исследуются социальные и психологические предпосылки коррупционного поведения (см., например, [1–3]), личность коррупционера [4]. Активность правоохранительных органов в части противодействия взяточничеству как наиболее опасному из коррупционных преступлений² нашла отражение в судебно-экспертной практике. Это проявляется в росте числа экспертиз, назначаемых по делам о преступлениях коррупционной направленности, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки» и ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Перед экспертами обычно ставятся задачи установления такого предмета разговора, как денежные средства, их передача и предназначение, а также установления наличия побуждения к передаче или принятию денежных средств. Они решаются в рамках судебной лингвистиче-

ской экспертизы. Вместе с тем в последнее время все чаще ставятся задачи, связанные с необходимостью установления наличия/отсутствия в действиях участников разговора провокации. Их юридическое значение может определяться уголовно-правовой нормой, содержащейся в ст. 304 УК РФ, которая предусматривает ответственность за провокацию взятки. Такая провокация всегда совершается в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее³. Провокация взятки всегда совершается без ведома или заведомо вопреки желанию должностного лица.

От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации предлагает отграничивать действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа, которые совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и «состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица <...>, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»⁴. При наличии такой провокации лицо не подлежит уголовной

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». <https://base.garant.ru/12164203/>; Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы». <https://base.garant.ru/12174916/>; Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/>

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/

³ П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/

⁴ Там же, п. 34.

ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп в связи с отсутствием события преступления⁵.

При производстве судебной лингвистической экспертизы с целью установления наличия или отсутствия в действиях коммуниканта-«взятополучателя» *провокации* к передаче ему денежных средств возникают определенные методологические трудности. Они связаны как со сложностью феномена провокации, выявление которого часто выходит за пределы возможностей лингвиста и требует применения иных, в том числе психологических, методов исследования (психологическое исследование информационных материалов является новым направлением судебной экспертизы), так и с отсутствием экспертного понятия «провокация».

В связи с этим цель настоящего исследования – проведение экспертологического анализа правовых норм, использующих понятие провокации, и выработка соответствующего экспертного понятия, которое может применяться в судебной психологической либо комплексной психолого-лингвистической экспертизе.

Экспертологическое исследование: соотношение психологического и уголовно-правового понятий провокации

Экспертологический анализ является неотъемлемой частью судебной экспертологии и этапом становления любого вида судебной психологической экспертизы [5]. Экспертологический анализ важен для выявления юридического значения конкретного вида судебной психологической экспертизы⁶ и определения по сути предмета этого вида – того психологического феномена, который подлежит установлению в процессе экспертизы и который составляет психологическое содержание правового понятия, описывающего поведение человека, его состояние и др. [6, с. 7–10]. Экспертные судебно-психологические понятия выработаны во всех традиционных видах судебной психологической экспертизы и закреплены в ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения». От того, с какой точностью будет определено экспертное понятие – насколько оно будет со-

ответствовать правовому конструкту (юридическому понятию), зависит валидность судебно-экспертной оценки [7, 8]. Поскольку общепсихологические представления и понятия не могут быть перенесены в неизменном виде из базовой науки в сферу судебной экспертизы, так как психологические явления не содержат никакой информации об их юридическом значении, то необходима выработка экспертных понятий как промежуточных между общепсихологическими и правовыми [5]. Эта выработка осуществляется путем определенной трансформации общепсихологических теоретических представлений, которая всегда зависит от содержания правовой нормы.

Первым этапом экспертологического анализа является уяснение содержания правового понятия, установление лежащих в его основе психологических феноменов и их соотношения. Правовая норма может представлять собой «юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения («способность понимать значение своих действий или руководить ими» и т. п.), но могут быть сформулированы и на языке житейских понятий (например, как «нравственные страдания», «заблуждение», «привязанность ребенка к родителю» и т. п.)» [9]. Профессор Ф.С. Сафуанов отмечает, что «при первом варианте экспертологический анализ сводится к трансформации юридического критерия в критерий психологический», и приводит пример *возрастной невменяемости* (ч. 3 ст. 20 УК РФ), психологическим содержанием которой является личностная незрелость несовершеннолетнего лица, обусловленная непсихопатологическими факторами и ограничивающая его способность к осознанной регуляции действий [там же]. Когда же правовая норма сформулирована без юридического критерия, процесс выделения судебно-психологического экспертного понятия является более сложным и опосредованным. В качестве примера можно привести выработку экспертного понятия «аффект», процесс которой подробно описан в работах Ф.С. Сафуанова (см., например, [8]).

Правовое понятие провокации. Для анализа правовой нормы прежде всего сле-

⁵ Там же, п. 33.

⁶ Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 1991. 44 с.

дует понять, как трактуется «провокация» в источниках права.

В российской правовой системе отсутствует институт провокации, нет общей нормы, регулирующей уголовную ответственность за провокацию преступления. Провокация как умышленное преступление предусмотрена только в ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», где провокация трактуется как *попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа*⁷.

Основным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Статья 304 УК РФ рассматривается в качестве специальной нормы по отношению к ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности». Для объективной стороны данного преступления характерны активные действия, выражающиеся в попытке передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг или иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера [10].

От провокации взятки судам предлагается отличать оперативный эксперимент – оперативно-разыскное мероприятие⁸, имеющее своей целью изобличение в совершении преступления лица, инициировавшего дачу взятки или коммерческий подкуп. В отличие от оперативного эксперимента при провокации взятки инициатива в передаче денег или оказании имущественной услуги исходит от лица, передающего деньги или оказывающего услугу [там же].

Таким образом, важными свойствами провокации являются предметность, активность, инициативность и целенаправленность действий субъекта, их осуществление

без согласия лица, т. е. помимо или против его воли, а также с помощью обмана.

Понятие провокации используется в ФЗ «Об ОРД», в статье 5 которого указано, что органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается *подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)*⁹. Из данного определения следует, что осуществлять провокацию – значит подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Аналогичное определение провокации содержится и в других разъяснениях высшего судебного органа страны по вопросам судебной практики¹⁰.

Используемое при определении провокации понятие *подстрекательства* – один из общеупотребительных терминов в источниках права и правовой литературе: подстрекатель является соучастником преступления, это – *лицо, склонившее* другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ст. 33 УК РФ). Склонить – значит убедить кого-либо в необходимости чего-либо, добиться согласия на что-либо [11, с. 1196]. Из этого следует, что подстрекательство является открытым (явным) для объекта воздействия, т. е. тому известно, к каким действиям его побуждают, при нем используются различные способы убеждения (при сохраняющейся возможности применения скрытых, манипулятивных приемов мотивирующего воздействия). В отношении же провокации авторы преимущественно подчеркивают именно ее скрытность, хотя в русском языке провокация и подстрекательство являются синонимами. Так, В.О. Кузнецов при лингвистическом анализе слова «провокация» установил, что оно понимается как определенное действие или поведение одного лица, вызывающее совершение действия другим лицом, и толкуется через слова «действие», «побуждение», «подстре-

⁹ В редакции Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (ред. от 22.02.2014). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/

¹⁰ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом ВС РФ 27.06.2012). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70097832/>

кательство», «вызов», «поведение». Кроме того, юристы определяют провокацию через понятия *склонения* к совершению преступления, причем «любым способом, направленным на формирование и реализацию конкретного (определенного) умысла»; *вовлечения* в совершение преступления, а в качестве цели провокативной деятельности рассматривается наступление вредных для этого лица последствий, возбуждение против него уголовного преследования; «моделирование такого поведения, которое имело бы все внешние признаки преступления» [12].

Рассмотрим некоторые определения провокации, содержащиеся в иных источниках права и правовой доктрине. Несмотря на отсутствие однозначного определения термина и определенное разнообразие его трактовок, во взглядах на него правоприменителей и ученых имеются важные общие составляющие (как в России, так и за рубежом).

В юридическом словаре Блэка – наиболее авторитетном издании, которое американское правосудие использует как вторичный источник права – *провокация* определяется через *подстрекательство* одним человеком другого к совершению преступления [13, с. 124]. В американской уголовно-правовой системе провокация (*entrapment*) делится на правомерную (наиболее популярный метод правоохранительной деятельности) и неправомерную. Первая имеет место при отсутствии применения методов убеждения или побуждения лица к совершению преступления, соответственно вторая – при наличии таких методов. Факт провокации признается, если будет установлено, что без давления сотрудников правоохранительных органов лицо не совершило бы преступления. При этом провокация как состав преступления имеет два критерия – объективный (исходящая от сотрудника полиции инициатива совершения преступления) и субъективный (осознанность выбора человеком негативного и морально порицаемого варианта поведения), которые рассматриваются с точки зрения влияния действий сотрудников полиции на среднестатистического невиновного человека [14, 15]. Анализ уголовно-правовых норм, закрепляющих особенности провокационной деятельности в различных европейских странах, странах СНГ, дан в ряде работ. Так, А.Е. Аюсинов пришел к выводу, что российское уголовно-правовое зна-

чение деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 304 УК РФ, соответствует пониманию сущности провокации в США и некоторых европейских государствах и заключается главным образом в частном случае фальсификации доказательств. В свою очередь в странах постсоветского пространства несмотря на то, что там в уголовных законах в наименовании статей используется термин «провокация», в него вкладывается иной правовой смысл, аналогичный его определению в ФЗ «Об ОРД» [16]. Другие авторы отмечают, что разница в трактовке провокации нормами права разных стран состоит в субъекте преступления: так, например, в законодательстве Великобритании, США, Азербайджана и Украины субъектом провокации признается сотрудник правоохранительных органов либо лицо, содействующее ему [17].

Таким образом, наше исследование показало, что важными компонентами правового понятия «провокация» являются следующие.

1. Это действие или ряд действий (преимущественно речевых), совершаемых одним из коммуникантов (субъектом провокации).

2. Эти действия направлены на побуждение другого коммуниканта (объекта провокации) к выражению согласия либо предложению получения или дачи взятки (либо совершению иных незаконных действий).

3. Без провокативных действий субъекта провокации лицо (объект провокации) не давало согласия и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее.

4. Наличие у субъекта провокации иной цели, нежели решение какого-либо вопроса, связанного с получением или передачей незаконного вознаграждения; цели такого лица заключаются в наступлении вредных для партнера по коммуникации последствий, возбуждении против него уголовного преследования, создании искусственных доказательств обвинения, а также в его дискредитации, шантаже.

Ввиду того что провокация понимается в праве и правовой доктрине чаще всего как речевое действие или речевая деятельность, направленная на побуждение лица к совершению выгодных провокатору поступков, наиболее очевидным и обоснованным, на первый взгляд, является применение

лингвистических знаний в случае необходимости экспертной оценки речи провокатора. Вместе с тем провокация всегда осуществляется в коммуникации и представляет собой не только и не столько речевое, сколько коммуникативное действие, «включена в коммуникативную цепочку: субъект провокации – сообщение – объект провокации, и вне этого не имеет смысла» [18], представляет собой *социальное взаимодействие* с определенной структурой межличностного восприятия (включающей субъекта и объект межличностного восприятия и сам процесс межличностного восприятия) [19]. Провокация осуществляется не только с помощью языковых (речевых) средств, но и невербально. Более того, чаще всего речевое воздействие является частью более сложной деятельности и имеет статус психологического действия [20]. Коммуникантом-провокатором обычно используются различные средства психологического воздействия на партнера по коммуникации с целью склонения или побуждения его к нужным действиям, в том числе введение в определенное эмоциональное состояние. Все эти особенности провокации, ее условий, средств и целей отражены в представлениях о провокации как правовом понятии. И это обуславливает целесообразность применения психологических знаний для установления криминалистически значимой провокации.

Помимо права, провокация, провокационное и провокативное поведение или действия используются и изучаются во многих других науках и отраслях знания. Исследования, посвященные определению и дифференциации понятий, включающих слова «провокативный» и «провокационный», показывают, что оба прилагательных могут применяться к действиям, направленным на осуществление провокации (см., например, [21]). А.С. Солодухо и А.В. Лозовский проанализировали психологические публикации, содержащие понятие «провокативность», и установили разные значения в связи с контекстом употребления: 1) провокативность как полный синоним «провокационности» в нейтральной коннотации; 2) провокативность как психологическое стимулирующее воздействие (антоним «провокационности» в негативной коннотации); 3) провокативность как гипоним по отношению к термину «манипулятивность» в нейтральной коннотации [22].

Явление провокации – достаточно распространенный объект современных научных и социальных исследований, в том числе с позиции разных дисциплин, поскольку оно присутствует во многих сферах нашей жизни. Так, термин «провокация» активно используется в политологии (где определяется преимущественно как метод ведения политической борьбы с применением акций подрывного характера (см., например, [23]) или как побуждение политического оппонента к заведомо проигрышным действиям [24]), откуда он перекочевал в иные сферы общественной жизни; используется он и в конфликтологии, маркетинге и рекламе, журналистике, искусстве, литературе, психологии, психотерапии, педагогике. Однако ни в одной из перечисленных областей нет однозначного общего, универсального определения провокации.

Психологическое понятие провокации. Обратимся к психологии и смежным отраслям знаний и приведем определения провокации как психологического феномена и позиции исследователей, чтобы выявить и обобщить основные характеристики явления. В философской науке провокация видится, например, как искусство воздействия на человека и инструмент социального обновления [25]. Интересное кроссдисциплинарное изыскание предпринято С.В. Тумским; в итоге он сформулировал претендующее на универсальность определение провокации *как социального действия*: «рискогенная, как правило, комплексная деятельность субъекта, направленная на ведение противоборства с объектом, с целью реализации скрытного намерения субъекта отстоять собственные интересы за счет нарушения интересов объекта или причинения ему ущерба путем навязывания объекту (индивиду, социальной группе или социальному институту) новых социальных условий» [26]. В конфликтологии используется понятие *провокация конфликта*, определяемое как «создание, конструирование и реализация повода для конфликта, которое создается стороной, желающей развязать конфликт или через него реализовать свои интересы» [27, с. 340]. Конфликт двух (нескольких) субъектов, имеющих противоположные цели и задачи, рассматривается как одна из основных характеристик провокации в системе коммуникации, ее ключевая характеристика [18, 28]. Таким образом, участники провокативной коммуникации

находятся в состоянии межперсонального конфликта интересов. При этом объект провокации (провоцируемый субъект) может не осмысливать коммуникацию как конфликт.

В психологических словарях понятие провокации нами не обнаружено. При этом явление активно обсуждается на различных интернет-ресурсах. Так, в Интернете можно найти следующие определения провокации в контексте психологии поведения и психологии влияния:

– действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие/бездействие провоцируемого, как правило, с целью искусственного создания таким образом тяжелых обстоятельств или последствий для провоцируемого¹¹;

– словесное или физическое воздействие на оппонента, в первую очередь побуждение, чтобы тот сделал что-то нужное провокатору (обычно это то, что поставит человека в невыгодное положение или представит в невыгодном свете перед окружающими)¹²;

– действие, определенный (специально продуманный) стимул, который с большой вероятностью вызовет у человека, на которого направлено воздействие, определенную реакцию¹³;

– эффективный метод психологического влияния, используемый для достижения своих целей; с помощью провокации можно вызвать у человека необдуманную, спонтанную реакцию, из-за которой он начнет совершать ошибки; провокация бывает явной («открытый вызов») и (неявной по сути манипуляцией) [29].

Разновидностью провокации является интернет-троллинг – вид виртуальной коммуникации с нарушением этики сетевого взаимодействия, выражающейся в виде проявления различных форм агрессивного, издевательского и оскорбительного поведения [30].

Виды провоцирования по его предмету различны – от провоцирования защитных реакций, интереса к партнеру, чувств, переживаний и состояний до определенных (заведомо избранных субъектом провокации – актором воздействия) действий. Дестабилизация состояния объекта влияния или провоцирование (вызывание, ини-

цирование) у него нужного эмоционального состояния видится как цель (отражает намерение субъекта), так и средство осуществления провокации при ее направленности на выгодное провокатору поведение объекта. Иницируемое состояние не соответствует актуальному эмоциональному состоянию объекта и не возникло бы у него без действий провокатора. В.Н. Степанов под *провоцированием* понимает «символическое представление («показывание») реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [31].

Еще одно важное свойство провокации связано с характером волевой регуляции поведения: она может быть преднамеренной, произвольной и непреднамеренной (например, таковым является провоцирующее, виктимное поведение жертвы преступления, в котором выделяют как провоцирующий тип, так и псевдопровоцирующий) [32, с. 174–180], т. е. провоцирующие действия могут быть умышленными и неумышленными. Некоторые элементы провокации в обыденной жизни могут осознаваться, некоторые могут быть недоступны рефлексии. Это связано с тем, что обычно в дискурсе высказывания полиинтенциональны, одни интенции выступают в качестве ведущих, другие имеют подчиненный характер [33, с. 56].

В психологических работах провокация рассматривается в основном как вид, способ, метод психологического влияния. Она может использоваться в позитивном контексте – так, метод провокации активно применяется различными школами психотерапии (Милтон Эриксон, Эрик Берн, Фрэнк Фарелли) [34] и в педагогике [35]. В этих сферах провокативные действия осуществляются для достижения позитивного результата для объекта влияния (пациента, клиента, воспитанника), благоприятные и полезные для него и нейтральные, не приносящие выгоду субъекту провокации. Е.А. Морозова наиболее важным считает именно акмеологический тип провокации, понимаемой как специфический социально-психологический метод позитивного воздействия, один из древнейших механизмов, выработанных культурой для решения наиболее сложных проблем управления

¹¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158351> (дата обращения: 21.06.2020).

¹² <https://psy-zoom.ru> (дата обращения: 20.06.2020).

¹³ https://nrpsy.ru/vliyanie_provokacia.html (дата обращения: 21.06.2020).

развитием человеческой личности и социума [36].

В негативном, деструктивном контексте провокация является частным случаем манипуляции [37–41]. Манипуляция – это вид психологического воздействия, который характеризуется преднамеренностью, скрытостью намерений, стремлением получить выигрывать за счет объекта манипуляции (т. е. преследует односторонние цели субъекта), оказывает разрушительное воздействие на личность. Е.В. Сидоренко обращает внимание на такие основные цели манипулятора, как «скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» [41, с. 49]. Рассматривая манипуляцию как метафору, Е.Л. Доценко дает наиболее системное описание феномена и более емкое определение целей манипулятора, которые заключаются в «скрытом возбуждении у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [37, с. 52]. В этом состоит *интенциональный* аспект манипуляции в целом и провокации в частности. Данный аспект, наряду с операциональным (техническим) аспектом, используется Е.Л. Доценко для разведения понятий воздействие и взаимодействие (поскольку манипулятивное воздействие осуществляется в процессе коммуникации, который всегда есть взаимодействие субъектов). Технологический (операциональный) и целевой (интенциональный) аспекты дополняют друг друга: «один человек решает, что с другим человеком (как с объектом) он намерен сделать, а вот как это нечто сделать, – находится (узнается) в процессе их взаимодействия (на операциональном уровне)» [там же, с. 54–55].

Операциональная сторона провокации заключается в тех действиях и их системе (системе операций), посредством которых она осуществляется, а также средствах воздействия (как речевых, так и неречевых). Операциональная сторона провокации отражена в представлениях филологов и лингвистов. Так, например, О.А. Иссерс и О.С. Волкова описывают провокацию как стратегию (речевую или коммуникативную), технологию воздействия, побуждающую партнера к речевым реакциям, которые могут иметь для него негативные последствия. Такая стратегия реализуется с помощью набора речевых тактик, ком-

плекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [28, 42]. Процесс провокации имеет кольцевой характер, замкнутый на субъекте провокации [43]. А.А. Штеба определяет провокацию как «коммуникативное событие, в структуру которого включены такие элементы, как прямое, косвенное или скрытое побуждение, разного рода тактики прямого и скрытого суггестивного воздействия» [44]. В.Н. Степанов рассматривает провоцирование как особый тип интенционального дискурса – провокативного дискурса [45], который осуществляется посредством провокативных жанров – элементарных и комплексных (например, жанров провокативного вопроса, признания, заботы, жалобы) и провокативных стратегий (например, стратегии обличения)¹⁴.

Т.В. Шеметова среди условий провокации выделяет два значимых для нашего исследования операциональных момента: 1) объекту провокации не столько сообщается какая-либо информация, сколько транслируется определенная ценностно-нормативная установка (картина мира); 2) конечным коммуникативным актом в провокации является сообщение о результате провокации, воспринятое субъектом провокации [18, с. 13].

В контексте негативного провокативного воздействия существенное значение имеют уязвимые структуры объекта воздействия – «слабые точки» по А.А. Леонтьеву или «мишени воздействия» по Е.Л. Доценко [37, с. 101, 107–109]. Так, А.А. Леонтьев пишет: «Воздействуя на реципиента, мы стремимся «спровоцировать» его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [20, с. 273].

Итак, провоцирование (провокация как процесс и результат общения) является видом психологического воздействия, оно включено в коммуникацию, вне которой не существует, и представляет собой коммуникативное воздействие. С этой точки зрения оно всегда имеет свое контекстуальное оформление – физические условия, культурный фон, социальный контекст разных уровней (макроуровень, мезауровень и микроуровень) [37, с. 103–104; 46, с. 38–39]. Микросоциальный уровень образуют стан-

¹⁴ Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 380 с.

дартные социальные ситуации, задающие готовые рамки развития событий (например, деловые переговоры, официальная встреча). Структура таких социальных ситуаций включает: распределение ролей их участников; стандартные социально-ролевые предписания (и взаимные ожидания); сценарии (как универсальные (ритуал, времяпрепровождение, деятельность), так и предметные, например «на приеме у врача» – жалобы, расспросы, процедуры, рекомендации); правила и нормы [37, с. 104–105]. Встречающиеся в судебно-экспертной практике ситуации тоже представляют собой довольно типичные социальные ситуации (например, на приеме у чиновника, беседа с инспектором ГИБДД, полицейская проверка соблюдения миграционного законодательства, прокурорская проверка и др.).

Особым видом коммуникативного воздействия является дискурсивное воздействие [33], которое неотделимо от дискурсивной практики и не может быть сведено к директивным речевым актам, выстраиванию рациональных доводов или использованию классических риторических при-

емов. В дискурсивном воздействии особую значимость имеют все те же факторы – ситуационные, психологические и социокультурные.

Проведенное исследование позволило нам установить основные свойства провокации (провоцирования) как психологического феномена. Наиболее важными из них являются следующие: это вид психологического (коммуникативного, дискурсивного) воздействия, которое осуществляется системно в процессе коммуникации на ее различных уровнях и имеет как негативную, так и позитивную направленность (акмеологический и деструктивный аспекты), может выполнять различные функции (актуализация, мобилизация, дезорганизация). Предмет и цели провоцирования различны: инициирование определенного эмоционального состояния, формирование представлений, влияние на установки объекта, инициирование активности (побуждение к совершению действий). Более подробно соотношение понятий провокации в психологии и праве иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1. Соотношение психологического и правового понятий провокации
Table 1. The relationship between psychological and legal notions of provocation

Сравнительные характеристики	Провокация (в психологии)	Провокация (в праве)
Вид коммуникации	Интерперсональная (межличностная), межгрупповая	Интерперсональная (межличностная)
Уровень коммуникации	Микро-, меза-, макроуровень	Микроуровень
Уровень опосредованности контакта	Непосредственное и опосредованное	Непосредственное
Объектная направленность	Индивидуальное, социально-психологическое (направленность на группу)	Индивидуальное
Характер воздействия	Позитивное, нейтральное, негативное	Только негативное
Степень открытости	Скрытое, явное	Скрытое
Форма воздействия	Непрямая, косвенная	Непрямая, косвенная
Регуляция	Непроизвольность/произвольность (непреднамеренность/преднамеренность)	Сознательность, произвольность, преднамеренность
Отношение	Отношение к другому как к субъекту взаимодействия. Альтруистическое отношение. Отношение к другому как к средству достижения собственных целей	Отношение к другому как к средству достижения собственных целей
Цель	Причинение вреда / пользы объекту; получение выгоды субъектом / отсутствие выгоды как цели	Причинение вреда объекту
Средства коммуникации	Вербальные и невербальные. Система различных инструментов воздействия	Преимущественно языковые (речевые), но предполагаются и иные
Функции	Актуализация, мобилизация, дезорганизация	Дезорганизация
Направленность влияния	Инициирование определенного эмоционального состояния, формирование представлений, формирование намерений, влияние на установки, инициирование активности, формирование готовности – совершение действий	Побуждение к определенным действиям (в том числе речевым), предложению или выражению согласия

Как видно, в праве используется более узкое понимание провокации (прежде всего как факта, события), которое вместе с тем отражает психологическую феноменологию провокации как *скрытого намеренного коммуникативного воздействия негативной направленности с целью побуждения объекта воздействия к совершению определенных (незаконных) действий (речевых либо физических), выгодных субъекту воздействия и невыгодных его объекту (влекущих для него негативные последствия в виде ответственности за совершенные действия)*. Важность применения психологических знаний о провокации (провокативной коммуникации, провокативном дискурсе) заключается в возможности выявления психологических механизмов и инструментов воздействия на основе принципов исследования коммуникативного и дискурсивного воздействия.

В широком психологическом понимании провокация как вид или форма психологического воздействия не имеет юридического значения. Важным является направленность этого провокативного воздействия и его результат. Именно по ее результату коммуникация может являться либо не являться провокативной, действия условного провокатора провоцирующими, а действия объекта – спровоцированными (т. е. их регуляция не является произвольной). По делам рассматриваемой категории результатом действий условного провокатора является совершение провоцируемым лицом (объектом провокации) каких-либо незаконных действий (дача/предложение, получение незаконного вознаграждения или согласие на таковое). Это определяется кругом ситуаций, имеющих юридическую значимость.

Возможности судебной психологической и комплексной экспертизы

Юридически значимая ситуация возникает при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 304 УК РФ и статьями 290, 291, 291.1 УК РФ, когда имеется предположение (версия) о провоцирующем характере действий сотрудников правоохранительных органов либо взяткодателя/взяткополучателя, без которых незаконные действия не были бы совершены. Уголовно-правовое значение имеет категория «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)» – право-

вое понятие, имеющее лингвистическую и психологическую составляющие, установление которых требует применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Установление направленности коммуникативной деятельности субъекта является достаточно разработанным видом комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы [47–49].

Экспертным психологическим понятием нам видится психологическая направленность коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению действий, повлекших для него негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности (предложению, даче, получению вознаграждения либо согласию на таковое). Такая направленность выражается в формировании у адресата определенной психологической установки, когнитивным компонентом которой является представление о негативных (по их последствиям) действиях как единственно возможном способе решения проблемы; аффективным – позитивное эмоциональное отношение к негативным действиям как приемлемому, либо безопасному способу поведения, а также доверительное отношение к субъекту провокации; на поведенческом – готовность к совершению действий (в том числе речевых – выражению предложения, согласия) и их совершение. Формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие (получить или дать вознаграждение) представляются нам психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)».

Целесообразность именно комплексного психолого-лингвистического исследования коммуникации по делам о провокации взятки либо провоцирующих действиях сотрудников, проводящих оперативный эксперимент, представляется несомненной. Различные стратегии, тактики, инструменты межличностного взаимодействия осуществляются с помощью речи, но имеют психологическую природу, базируются на психологических закономерностях и должны исследоваться в рамках системно-динамического подхода.

Вопрос к эксперту может формулироваться разными способами.

Таблица 2. Диагностический комплекс «провоцирование взятки»
Table 2. Diagnostic complex “provocation (to bribe)”

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Тематика	Предмет речи: негативные для адресата неназванные говорящим (адресантом) действия, которые необходимо совершить адресату в сложившейся ситуации. При отсутствии коммуникативной неудачи действия называются адресантом (предложение со стороны адресата взятки или дача взятки)	Конфликт между потребностями адресанта и адресата. Проблемная ситуация взаимодействия. Ожидаемое поведение адресата
Отношение	Негативные действия адресата желательны, необходимы говорящему	Предполагаемые незаконные действия преподносятся адресантом как выгодные для адресата (объекта провокации), единственно возможный способ решения проблемы либо как безопасные (в том числе законные)
Цель	Выражено побуждение адресата к совершению негативного для него действия. При этом побуждение выражено неявно: могут использоваться разные явные речевые цели (вопрос, сообщение о событии, оценка этого события, убеждение и др.), представляющие собой речевые тактики, реализующие речевую стратегию побуждения	Формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие (получить или дать незаконное вознаграждение). Осуществляется в структуре взаимодействия поэтапно, посредством различных приемов воздействия и их совокупности – манипулятивных стратегий

Первый вариант: «Направлен ли материал на формирование психологической установки к совершению определенных действий? Носит ли коммуникация со стороны кого-либо из ее участников провокативный характер? Если да, то на что направлена коммуникация?»

Общепринятым в психолого-лингвистической экспертизе стало формулирование вопроса таким образом, что в нем отражаются лингвистические и психологические аспекты тех феноменов, которые в праве именуется определенным образом (например, возбуждение вражды, пропаганда насилия и жестокости и др.). Поэтому второй вариант вопроса: «Содержатся ли в материале психологические и лингвистические признаки побуждения к совершению определенных действий (предложению, согласию, получению или передаче вознаграждения [взятки])?»

Диагностический комплекс «провоцирование взятки» может быть описан традиционным способом в виде трехкомпонентной структуры. С лингвистической позиции экспертное понятие «речевая провокация» раскрывается через побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать незаконное вознаграждение,

ее диагностический комплекс включает несколько измененные (конкретизированные) признаки из комплекса «побуждение» [12], описанного в «Семантических исследованиях» [49]. Психологические признаки провокации описаны выше. Таким образом, диагностический комплекс «провоцирование взятки» будет иметь следующий вид (табл. 2).

Заключение

Актуальность проблемы коррупции и борьбы с нею в современном российском обществе высока. Противодействие коррупции осуществляется в том числе с использованием различных оперативных средств, при применении которых довольно тонка грань между предоставлением субъекту возможности совершения преступления и побуждением к нему, созданием риска незаконных действий лицом, не имевшим к этому склонности (т. е. спровоцированных действий). При большом интересе исследователей (со стороны права, лингвистики, психологии) к понятию и феномену провокации, имеющему юридическое значение, его универсальное определение отсутствует, вероятно, вследствие многогранности и сложности этого явления, вариативности используемых при этом речевых и психологических средств воздействия. Задачи,

содержащие понятия провокации, провокативных действий, провокативной коммуникации, стали все чаще ставиться при назначении судебной экспертизы.

Наше исследование показало, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, помимо уже традиционной судебной лингвистической экспертизы с типовыми вопросами о предмете речи и побуждении к передаче денег, целесообразной является назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы с постановкой вопросов о провокативном характере действий

участников разговора (встречи и т. п.) или признаков провокации определенных действий. В данном случае провокация («провоцирование взятки») рассматривается как судебно-лингвистическое и судебно-психологическое экспертное понятие. Важность применения психологических знаний о провокации (провокативной коммуникации, провокативном дискурсе) заключается в возможности выявления психологических механизмов и инструментов воздействия на основе научных принципов исследования коммуникативного и дискурсивного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 43–52.
2. Гаврина Е.Е. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование коррупционного поведения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 47–55.
3. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия. Монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 101 с.
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ценностные ориентации коррупционных преступников // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 5. <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1623-kroz61.html>
5. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
6. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коcheнов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. М.: Юрлитинформ, 2000. 160 с.
7. Grisso T., Borum R. (eds). Evaluating Competencies. Forensic Assessments and Instruments. 2nd ed. New York: Kluwer, 2003. 553 p.
8. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
9. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <http://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/0205>
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 316 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

REFERENCES

1. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psychological Factors of Corruption in Present-Day Russia. *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 43–52. (In Russ.)
2. Gavrina E.E. Socio-Psychological Determinants Effecting Formation of Corrupt Behavior. *Applied Legal Psychology*. 2016. No. 3. P. 47–55. (In Russ.)
3. Reshetnikov M.M. *Psychology of Corruption. Utopia and Dystopia. Monograph*. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019. 101 p. (In Russ.)
4. Kroz M.V., Ratinova N.A. Value Orientations of Corrupt Criminals. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2018. Vol. 11. No. 61. P. 5. (In Russ.). <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1623-kroz61.html>
5. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
6. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P., Kochenov M.M. *New Areas of Forensic Psychology. Guidebook*. Moscow: Yurlitinform, 2000. 160 p. (In Russ.)
7. Grisso T., Borum R. (eds). Evaluating Competencies. Forensic Assessments and Instruments. 2nd ed. New York: Kluwer, 2003. 553 p.
8. Safuanov F.S. *Forensic Psychology. Textbook for Academic Bachelor Program*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
9. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <http://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/0205>
10. Lebedev V.M. (ed). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 1. General Part*. Moscow: Yurait, 2017. 316 p. (In Russ.)
11. Kuznetsov S.A. (ed). *Big Glossary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)

12. Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>
13. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
14. LaFave W.R. The Objections to the Subjective Approach / LaFave W.R. *Criminal Law*. 4th ed. 2003. P. 508–512.
15. Баранчиков М.Н. Провокация преступления в сравнительно-правовом аспекте по российскому и американскому уголовному законодательству // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 224–226.
16. Аюсинов А.Е. Особенности регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления по зарубежному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 148–153.
17. Шмонин А.В., Семькина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 71–81.
18. Шеметова Т.Н. Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсервация культуры. 2014. № 1. С. 11–17. <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/3/141>
19. Андреева Г.М., Донцов А.И. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания. Исследования феномена каузальной атрибуции / Хрестоматия по социальной психологии / Сост. Т.В. Кутасова. М.: Смысл, Академия, 1994. С. 106–120.
20. Леонтьев А.А. Психология общения. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Смысл: Академия, 2007. 368 с.
21. Лозовский А.В. Семантика понятия «провокация» и его производных в русскоязычной и англоязычной психологической литературе // Право. Экономика. Психология. 2018. № 4 (12). С. 55–59.
22. Солодуха А.С., Лозовский А.В. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 104–109. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2021>
23. Глухова А.В. К вопросу о роли провокации в политике // Власть. 2016. Т. 24. № 3. С. 92–96. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4038
24. Загладин Н. Событие политическое / Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Н–Я / Под ред Г.Ю. Семигина. М.: Мысль, 1999. С. 419–420.
12. Kuznetsov V.O. "Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>
13. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
14. LaFave W.R. The Objections to the Subjective Approach. In: LaFave W.R. *Criminal Law*. 4th ed. 2003. P. 508–512.
15. Baranchikov M.N. Provocation in a Relatively Crime – the Legal Aspect of Russian and American Criminal Law. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Human and Social Sciences*. 2011. No. 1 (39). P. 224–226. (In Russ.)
16. Ayusinov A.E. The Features of the Regulating the Criminal Responsibility for the Crime Provocation in Foreign Legislation. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. No. 6 (107). P. 148–153. (In Russ.)
17. Shmonin A.V., Semykina O.I. Provocation of Crimes by Law Enforcement Agencies: Comparative-Legal Analysis of the Russian and Foreign Legislation. *Journal of Russian Law*. 2013. No. 7. P. 71–81. (In Russ.)
18. Shemetova T.N. Art of Provocation and Perfect Provocateur. *Observatory of Culture*. 2014. No. 1. P. 11–17. (In Russ.). <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/3/141>
19. Andreeva G.M., Dontsov A.I. The Place of Interpersonal Perception in the System of Perceptive Processes and the Characteristics of Its Content. The Study of the Phenomenon of Causal Attribution. In: Kutasova T.V. (ed). *Anthology of Social Psychology*. Moscow: Smysl, Akademiya, 1994. P. 106–120. (In Russ.)
20. Leont'ev A.A. *The Psychology of Communication. Textbook*. 4th ed. Moscow: Smysl: Akademiya, 2007. 368 p. (In Russ.)
21. Lozovskii A.V. The Semantic of the Concept of Provocation and its Derivatives in the Russian Language and English Language Psychological Literature. *Law. Economy. Psychology*. 2018. No. 4 (12). P. 55–59. (In Russ.)
22. Saladukho A.S., Lazouskii A.V. Provocativeness in Internet Communication: The Problem of Concept Defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019. No. 1. P. 104–109. (In Russ.). <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2021>
23. Glukhova A.V. The Role of Provocation in Politics. *Vlast'*. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 92–96. (In Russ.). https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4038
24. Zagladin N. A Political Event. In: Semigin G. Yu. (ed). *Political Encyclopedia. In 2 Volumes. Vol. 2. N–Ya*. Moscow: Mysl', 2000. P. 419–420. (In Russ.)

25. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социологические очерки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2017. 336 с.
26. Тумский С.В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа // Социодинамика. 2017. № 8. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2017.8.23349>
27. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 4-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2020. 536 с.
28. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104. <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2009-2/92-104>
29. Власов М. Психология человека / Провокация. 19.12.2017. <https://psichel.ru/provokatsiya/>
30. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community / Smith M.A., Kollock P. (eds). *Communities in Cyberspace*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 29–59.
31. Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямого общения: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.
32. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.
33. Павлова Н.Д. Механизмы и средства оказания субъектом дискурсивного воздействия / Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 53–73.
34. Farrelly F., Brandsma J.M. *Provocative Therapy*. 5th ed. Meta Publications, 1989. 195 p.
35. Енин А.В. Психология «провокационной педагогики»: некоторые аспекты теории и методики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 252–255.
36. Морозова Е.А. Психотерапевтический потенциал провокативных методов и форм социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства) // Консультативная психология и психотерапия. 2005. Т. 13. № 4 (47). С. 137–153. <https://psyjournals.ru/mpj/2005/n4/1763.shtml>
37. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
38. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. Практическое руководство. М.: Ин-т психотерапии, 2001. 208 с.
39. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). М.: АСТ, 2001. 848 с.
40. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Алгоритм, 2002. 288 с.
25. Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Provocation: Sociophilosophical Essays. Monograph*. Moscow: TsSPiM, 2017. 336 p. (In Russ.)
26. Tumskii S.V. Provocation as Social Action: Its Definition in the Context of Cross-Disciplinary Analysis. *Sociodynamics* 2017. No. 8. P. 1–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2017.8.23349>
27. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *A Conflictologist's Dictionary*. 4th ed. Moscow: Prospekt, 2020. 536 p. (In Russ.)
28. Issers O.S. The Strategy of Speech Provocation in a Public Dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009. No. 2 (18). P. 92–104. (In Russ.). <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2009-2/92-104>
29. Vlasov M. *Man's Psychology. Provocation*. 19.12.2017. <https://psichel.ru/provokatsiya/>
30. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community. Smith M.A., Kollock P. (eds). *Communities in Cyberspace*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 29–59.
31. Stepanov V. Provocative Speech Genres as a Means of Indirect Communication, Its Linguistic Entity and Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 89–99. (In Russ.)
32. Vaske E.V. *The Psychology of Interrogation of Minor Offenders and Victims of Sexual Abuse*. Moscow: Genезis, 2014. 312 p. (In Russ.)
33. Pavlova N.D. The Mechanisms and Means of a Subject's Discursive Influence. In: Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. (eds). *Mental Pressure: Mechanisms, Strategies, Means of Counteracting*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2012. P. 53–73. (In Russ.)
34. Farrelly F., Brandsma J.M. *Provocative Therapy*. 5th ed. Meta Publications, 1989. 195 p.
35. Enin A.V. Psychology of Provocative Pedagogy: Some Aspects of Theory and Methodology. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No. 2 (70). P. 252–255. (In Russ.)
36. Morozova E.A. Psychotherapeutic Potential of Provocative Methods and Forms of Social and Psychological Influence (on the Example of Avant-garde Art). *Consulting Psychology and Psychotherapy*. 2005. Vol. 13. No. 4 (47). P. 137–153. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/mpj/2005/n4/1763.shtml>
37. Dotsenko E.L. *The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, Protection*. Saint Petersburg: Rech', 2003. 304 p. (In Russ.)
38. Pankratov V.N. *Manipulations in Communication and Their Neutralizing. Practical Guide*. Moscow: In-t Psikhoterapii, 2001. 208 p. (In Russ.)
39. Sheinov V.P. *Concealed Manipulation of a Person (Psychology of Manipulation)*. Moscow: AST, 2001. 848 p. (In Russ.)
40. Grachev G.V., Mel'nik I.K. *Manipulation of a Person: Organization, Ways and Technologies of Informational and Psychological Influence*. 2nd ed. Moscow: Algoritm, 2002. 288 p. (In Russ.)

41. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.
42. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49–55. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
43. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. М.: Новый век, 2000. 448 с.
44. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // *Litera*. 2017. № 1. С. 120–128. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
45. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. Монография. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
46. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Институт психологии РАН, 2013. 368 с.
47. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92–98. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>
48. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
49. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В. Бойцов А.А., Губаренкова Е.О., Крюк Е.К., Кумкова Т.Н., Портнова В.Б., Чумакова Е.Н. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Метод. пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
41. Sidorenko E.V. *Training of Influence and Resistance to It*. Saint Petersburg: Rech', 2004. 256 p. (In Russ.)
42. Volkova O.S. Communicative Provocation as a Strategy of Destructive Behaviour in Every-Day Conflict. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2014. No. 5 (24). P. 49–55. (In Russ.). <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
43. Grinenko G.V. *Sacred Texts and Sacred Communication. Logic-Semiotic Analysis of Verbal Magic*. Moscow: Novyi vek, 2000. 448 p. (In Russ.)
44. Shteba A.A. Linguistic Features of Provocation. *Litera*. 2017. No. 1. P. 120–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
45. Stepanov V.N. *Confrontation in Social and Mass Communication. Monograph*. Saint Petersburg: Roza mira, 2008. 268 p. (In Russ.)
46. Latynov V.V. *Psychology of Communicative Influence*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. 368 p. (In Russ.)
47. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 1 (41). P. 92–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>
48. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Methodology of Conducting a Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
49. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V. Boitsov A.A., Gubarenkova E.O., Kryuk E.K., Kumkova T.N., Portnova V.B., Chumakova E.N. *Semantic Analysis in Forensic Linguistics. Handbook* / S.A. Smirnova (ed). Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 22.06.2020
После доработки: 28.07.2020
Принята к печати: 15.08.2020

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Received: June 22, 2020
Revised: July 28, 2020
Accepted: August 15, 2020